

Екатерина Точанская
tochanskaya@mail.ru

Камень, ножницы, бумага
пьеса для детей и взрослых в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клим, 12 лет

Папа Клима

Мама Клима

Федька, одноклассник Клина

Стася, одноклассница Клина

Алла Геннадьевна, классный руководитель

Действие происходит в квартире семьи Клина и на детской площадке во дворе.

На сцене установлены экраны.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Квартира Клима и его родителей. Детская, возле окна – телескоп.

Клим. О, кажется запись уже пошла. Привет! Меня зовут Клим. Когда я себя называю, все обычно ахают и охают, мол, какое это редкое имя! Это же Горький! А я говорю, нет, сладкий! Шучу так. Это вы вряд ли поймете. Для вас, наверное, все наши имена редкие. Интересно, как вы обращаетесь друг к другу? Ряд пятый, место третье или как-то еще? Отвлекся, надо про себя рассказывать...

Мне двенадцать лет. Второй десяток пошел, как говорит папа. Я планирую до ста дожить. Вроде бы люди должны жить столько. Честно говоря, я никого такого не знаю. Боне семьдесят пять. Он самый старший в нашей семье.

Боня – это мой дедуся. Дедушка. Папин папа. Обалдеть! Вы же и этого не знаете. Ничего себе задание нам дали. Голова кругом! Так много вам надо успеть рассказать! А я все время отвлекаюсь. Так вот, Боня – это не имя, это такое прозвище. Мой дедушка очень возился со мной, когда я был маленький, и часто водил меня гулять и в сад. Папа однажды сказал дедушке, что он наша бонна. Это так гувернанток в прошлом веке называли. Я маленький его так и звал – Боня. Сейчас мы тоже видимся и в шахматы играем, но реже, конечно, чем раньше.

Что еще? У меня есть два друга. Стася и Федька. Стася – девочка, а Федька на меня вообще не похож. Мы учимся в одном классе. У них такое же задание, так что вы их тоже увидите. Мы – лучшие друзья.

Где тут пауза? А! Вот. Уф! Тяжело. Две минуты прошло, а еще ничего не рассказал вообще. *(Набирает номер. На экране появляется Федька)*

Федька, ты про что рассказываешь?

Федька. Кошку описываю.

Клим. Как в сочинении что ли? Глаза-бусинки?

Федька. Ну да...

Клим. А еще про что?

Федька. Еще как она под одеяло забралась.

Клим. Думаешь, им там интересно про твою кошку слушать? В мире животных, что ли?

Федька. Вдруг у них нет кошек. И вообще домашних питомцев нет. Вот и посмотрят на Мусю. Будет для них моя Муся эталоном кошачьей красоты.

Клим. Это твоя-то Муся эталон? Вы ее кормите поменьше, тогда шансов будет побольше.

Федька. О, вот я ещё про кошачью еду расскажу. Чтобы они там знали, чем кошки питаются.

Клим. Ладно, Федька, пока!

Федька. А ты про что?

Клим. Я про свою жизнь.

Федька. Не, про Мусю интереснее. Пока!

Клим. Пока! *(Отключает видеосвязь.)* Продолжим. Тэкс... Ага, вот, я на чем остановился... Федька любит животных. Он хочет стать ветеринаром. У нас на планете очень много разных животных. Я их перечислять вам не буду. Не хватит

времени. Это пусть Федька рассказывает. Он считает, что животным труднее, чем людям, потому что они не разговаривают. Мы со Стаськой Федьку иногда Айболитом называем. Ой, про Айболита вы тоже не знаете? Это такой врач, его Чуковский придумал. Ой, и про Чуковского не знаете...

Папа. *(Заглядывая в комнату.)* Климентий, опять играешь?

Клим. Папа, я уроки делаю! У нас задание такое. Не мешай! Запись идёт.

Папа. А! Ну-ну.

Клим. Это мой папа. Он редактор интернет-журнала. *(Нажимает паузу)* О, господи! Что же теперь объяснять, что такое «интернет» и что такое «журнал»? Нет, это невыносимо. Звонок другу. *(На экране появляется Стася.)* Стася, привет! Что делаешь?

Стася. Матешу. Переписываю с черновика.

Клим. Как у тебя терпения хватает на черновике сначала решать? Я сразу в тетрадь.

Стася. Да, я твою тетрадь видела.

Клим. Слушай, Стась. Я тут начал видео записывать с посланием. Но это же кошмар какой-то! Они же ничего не знают, мне что, каждое слово объяснять?

Стася. Клим, успокойся. Уж если к ним эти записи попадут, неужели они не разберутся. Они же – «высший разум»! И вообще – может их и не существует.

Клим. Как это не существует!? Нет, уж пусть они существуют! Зря я, что ли, уже целых две минуты наговорил?

Стася. Может у них не было эволюции.

Клим. Не, ну нормально! Я тут нервничаю, а у них, понимаешь, эволюции не было. Нет уж! Пусть у них была эволюция, и они тоже пусть произошли ну, допустим, не от обезьяны, а от динозавров каких-нибудь... Стася, я все время сбиваюсь на ерунду, прямо разволновался весь.

Стася. Клим! Алгенадьна что сказала – рассказывать самое-самое! О чем мечтаешь, думаешь.

Клим. Да я, знаешь, о скольком думаю! Разве я могу за десять минут времени всё рассказать, о чем я думаю. Я обо всем думаю! И почему планеты круглые, и что мама на обед приготовит, и как наши завтра сыграют, и летом хорошо бы рыбину большую поймать. Это я только сейчас вот при тебе подумал... Легко сказать! Ты вот, о чем будешь записывать?

Стася. Уже записала.

Клим. Да ладно?

Стася. Мне только матешу осталось. И все. Я уроки сделала.

Клим. И про что?

Стася. Это не очень важно и неинтересно совсем.

Клим. Как это?

Стася. Клим, я не хотела бы говорить.

Клим. Стася, ты чего?

Стася. Алгенадьна сказала – самое-самое, я и рассказала самое-самое. Но это ведь не тебе послание.

Клим. Ну ты даёшь! Я думал, мы с тобой друзья. Я же тебе про все откровенно ... Эх, еще лучший друг называется. Пока!

Стася. Клим!

(Клим отключает соединение со Стасей)

Клим. Нет, ну нормальная ситуация? Я ей, понимаешь, все свои мысли, а она - не скажу. Ну, девчонки! Ну, Стаська! Не ожидал!

Папа. (*Заглядывая в комнату*) Клим, расскажи, что за задание такое, если не секрет?

Клим. Родителям велено не говорить.

Папа. Алла Геннадьевна сказала?

Клим. Кто же ещё? Пап, ну иди. Мне дела делать надо. Не сосредоточиться никак.

Папа. Понял. Ухожу, ухожу. Если что – мы с мамой на кухне. (*Закрывает дверь.*)

Клим. Так. Надо собраться... Я про дружбу хотел рассказать, про самое-самое... А она вона как! «Не скажу...» У друзей разве могут быть секреты друг от друга?! Друзья – это самые близкие люди. Это как слово в считалке – никаким другим не заменить! Ну ладно, Стаська, я тебе тоже про что-нибудь не расскажу, не придумал еще про что, но ты этого никогда не узнаешь! Тэкс, на чём я остановился...

На кухне.

Мама. Тебе не кажется, что он слишком много времени проводит за компьютером?

Папа. Говорит, что делает домашнее задание. Опять их Алла Геннадьевна что-то выдумала.

Мама. Замкнутый круг какой-то. То говорят, что сейчас время, требующее использования новых технологий, то нужны свежие креативные подходы в образовании, то детям вредно столько облучаться. Ты помнишь вообще, когда он последний раз во дворе гулял? У меня весь семейный фотоархив состоит из снимков Клима и его компьютера, только Клим растёт, а его компьютер – нет.

Папа. Что же делать? Сами искусственный интеллект создали, сами теперь без него никуда.

Мама. Жаль, что компьютер не надо выгуливать, как собачку... Тогда бы Клим чаще на улице бывал...

Папа. (*Обнимая маму.*) Обо всём-то ты переживаешь, беспокойная моя. И что там такое креативное готовится?

Мама. Хорошо, что хоть искусственный интеллект такие вопросы не задаёт и к холодильнику каждые пять минут не бегают.

Папа. Кушать хочется...

Комната Клима.

Клим. Больше всего я люблю проводить время с моими друзьями. Хм! Любил проводить. Вот, например, Федька. Он живёт со своей бабушкой. Так получилось. Про его папу я никогда не слышал, а у мамы сложный творческий процесс, по словам Федьки. Мама его художница, с ними не живёт. Я уж не знаю, чем её картинам мешает бабушка и Федька. Бабушка и на родительские собрания ходит вместо мамы. Федька вообще не любит об этом говорить. Зато он про животных может часами рассказывать. Все остальное, даже футбол, даже хоккей, даже биатлон мужская эстафета – ему неинтересны. Не то, что Стаське. Эх!

Звонок. На экране появляется Федька.

Клим. Прерываемся. (*Останавливает запись*) Да, Федька, чего?

Федька. Ну, мы выходим.

Клим. Я еще не записал.

Федька. Потом допишешь. Что теперь, из-за этого письма инопланетному разуму у нас жизнь должна остановиться? Сейчас мы придём.

Клим. Что ты кричишь! Родители услышат.

Федька. Ну и что?

Клим. Алгенадьна же попросила, никому не говорить.

Федька. Да подумаешь, секрет.

Клим. А вот и секрет! Представляешь, мне Стаська отказалась рассказывать, про что она там записала. Инопланетяне какие-то со щупальцами узнают, а я, лучший друг – нет.

Федька. Наплюй, Клим. Может она там про маникюры-педикюры рассказывала. Тебе что, это интересно?

Клим. Нет, конечно! За кого ты меня принимаешь?

Федька. Ну вот! Чего ей тебя в это посвящать?

Клим. Как-то я об этом не подумал. Может ты и прав...

Федька. Ну? Мы сейчас придём. Давай, потом допишешь историю своей жизни.

Клим. Ладно, приходите, мне немного осталось. Только моим – ни слова.

Федька. Нем, как камень!

Федька отключается.

Клим. *(Включает запись.)* Больше всего я и мои друзья любим собираться вместе, болтать обо всякой всячине, играть и смотреть в телескоп. Телескоп мне подарил Боня на день рождения полгода назад. Может показаться, что мы прямо такие воспитанные, интеллектуальные дети, какими нас считает Алгенадьна, классная в школе. Но на самом деле, это не совсем так! Мы очень любим играть в разные компьютерные игры, а мама ругается и много не разрешает. Она говорит, что это вредно. Придумала, наверное. Сама-то телевизор весь вечер смотрит. Тоже ведь не полезно! Но ей, понимаешь, можно, а нам, понимаешь, нельзя! Играть очень хочется, поэтому приходится хитрить. Так что иногда мы говорим, что смотрим в телескоп, а сами рубимся в какие-нибудь «Звездные войны». Тоже ведь про космос! Не так уж сильно мы и врём. Просто рассматривать звёзды иногда не получается из-за облаков. Сегодня, например, ясно, и я вот, видите, машу вам рукой. Ээй, инопланетяне, привет с нашей планеты! Это я, Клим!

Видео письмо классной руководительницы Аллы Геннадьевны в электронном дневнике.

А.Г. Дорогие дети!

Наш класс – самый лучший по ряду параметров в параллели – был избран специальным исследовательским институтом изучения космоса для создания капсулы-письма инопланетному разуму. Конечно, никто сейчас не может утверждать, есть ли жизнь еще где-нибудь во вселенной. Мы очень мало знаем и про нашу галактику, не то что про множество других. Но тем не менее, попытки сблизиться учёные делают регулярно. Почему в этот раз выбраны именно дети авторами сообщений? Потому что дети – это лучшие представители человечества. Все дети верят в добро, мир, красоту. Дети – это будущее нашей планеты. Поэтому, дорогие мои ученики, я прошу каждого из вас записать видео обращение к инопланетной цивилизации, которая, возможно, где-то существует. В обращении должно быть раскрыто три темы: о чём я мечтаю, мои секреты, кем хочу стать. Видео должно идти ровно десять минут. Потом я эти записи переправлю в исследовательский институт. Мне кажется, это очень почётная миссия – создание такого письма инопланетным цивилизациям. Я надеюсь, что вы будете максимально доброжелательны и откровенны. Кто знает, может быть именно это письмо будет первым получено неизвестным человечеству адресатом. Удачи вам, мои хорошие! Срок – до четверга

включительно. А в пятницу, кстати, родительское собрание. Не забудьте передать родителям, пожалуйста. Всех буду рада видеть. У нас накопилось много тем для обсуждения. Да, и ещё – про письмо к инопланетянам прошу родителям ничего не говорить. Пусть это будет наша маленькая тайна. Некоторые взрослые разучились мечтать и могут критически отнестись к этому важному поручению. Всем хорошего вечера!

Папа. *(Заглядывая в комнату Клима).* Климентий, к тебе пришли твои звездочёты.

Клим. Папа, я же просил тебя не называть меня так при друзьях.

Папа. Ой, прости-прости, забыл совсем! Старенький стал. Ну, не сердись.

Клим. Ладно. Вроде они тебя не слышали. *(Клим толкает папу, папа отвечает, начинается небольшая потасовка).*

Папа. *(Кричит в коридор.)* Проходите, ребята. Не смотрите, что у нас тут битва века. Победит только дружба!

Входят Федька и Стася. Папа с Климом прекращают драться. Папа уходит.

Клим. Привет!

Федька. Здорово!

Стася. Привет. Классный у тебя папа.

Клим. А у тебя не классный, что ли?

Стася. Неа. У меня не классный. Мой папа или работает, или пиво пьёт. Ему с нами неинтересно.

Клим. Как это – неинтересно?

Стася. Ему не хочется ничего.

Клим. А в кино?

Стася. Говорит, денег нет.

Клим. А в музей.

Стася. В детстве был.

Клим. А на велике?

Стася. Устал.

Клим. А в снежки поиграть?

Стася. Снег мокрый.

Клим. Тут не поспоришь.

Стася. Сестра считает, что он ушёл бы от нас, если б знал куда.

Клим. Ничего себе!

Федька. А у меня никакого папы нет. Что теперь?

Стася. Давайте на небо смотреть.

Клим. Давайте. Кто первый?

Федька. Считаемся. Камень-ножницы-бумага, раз! Камень-ножницы-бумага, два! Камень-ножницы-бумага, три!

Стася. Я выиграла!

Клим. Дамы вперед. Вот, я настроил. Смотри.

Стася смотрит в телескоп.

Федька. Дописал свою жизнь для инопланетян?

Клим. Почти. Чуть-чуть осталось.

Федька. Сегодня последний день.

Клим. Помню. Твои «глаза-бусинки» как?

Федька. Отправил. Потом вспомнил, что забыл про кошачий туалет написать. Но уже поздно было.

Клим. Это они переживут как-нибудь.

Федька. Не скажи. В природе нет процессов, о которых стоит умалчивать.

Клим. Видно что-нибудь, Стаська?

Стася. Видно! Красиво!

Клим. Представляете, они где-то там есть...

Федька. Вдруг они не станут с нами дружить. Помнишь, как в «Звёздных войнах»? А мы-то уши развесили, про самое дорогое им рассказали.

Клим. Не. Если бы они хотели, они бы нас давно уже завоевали, а дружить им боязно – они думают, мы агрессивные неандертальцы. Поэтому вот и письма шлём – мол, мы не страшные. Да, мы ещё отсталые в науке существа, но добрые и хотим мира.

Федька. Может они не реагируют, потому что думают, что это ловушка?

Стася. Мальчики, хватит спорить. Всё это фантастика.

Клим. Фантастика, между прочим, проводник науки. Сначала люди фантазируют, а потом придумывают, как это сделать и делают. Многие изобретения появились только потому, что кто-то имел воображение.

Стася. Это верно. Но я не понимаю, нам-то для чего инопланетяне? Мы ещё сами не поняли, но хотим обязательно найти, установить контакт. Так маленькие дети требуют игрушку, которая и не игрушка вовсе и для игры не приспособлена.

Федька. Потому что любопытно! Неизвестность всегда страшит, но притягивает, как магнит.

Клим. Скажите, что нельзя думать о зелёных человечках – думать будете только о них. Я на себе проверял, на папе, на Боне – работает чётко. На маму не подействовало. Она мне дала подзатыльник и сказала, чтобы я не мешался, когда она готовит.

Федька. Женщин к науке меньше тянет, чем мужчин.

Стася. Конечно! Их тянет только к плите! Эх вы! Неблагодарные! Чем бы вы питались, если бы не забота ваших женщин о вас! Нам просто некогда заниматься наукой. На, Федька, смотри. У меня глаз устал.

Федька. А говорят, вид звёздного неба успокаивает нервы...

Федька смотрит в телескоп. Клим и Стася некоторое время молчат.

Стася. Клим, я не хотела тебя обидеть.

Клим. Но обидела.

Федька. Класс! *(Оборачиваясь.)* Чего уставились? Это я про звезды.

Клим. Смотри-смотри.

Стася. Ты вот любишь, когда ты пишешь кому-нибудь сообщение, а мама или папа подходят и читают его?

Клим. Вообще они так никогда не делают, но мне точно бы не понравилось.

Стася. И мне не нравится. *(Помолчав.)* Я сначала не знала, про что рассказывать. А потом как-то начала и еле остановилась. Пришлось даже монтаж делать, чтобы уложиться. Потому что я подумала: вот, можно им всё-всё, что накипело, о чём я переживаю, выложить. Даже если они существуют, им ведь всё равно. Они никому не скажут.

Клим. Стася, а друзья на что? Мы же можем доверять друг другу.

Стася. Конечно. Но бывают такие ситуации, о которых даже самому близкому другу тяжело объяснить...

Клим. Например, про папу?

Стася. Про папу тоже. И потом, я, наверное, вообще умру к тому времени, как они моё послание получат.

Клим. Как это, умрёшь? Нет, ты не умирай, пожалуйста.

Стася. Неизвестно, как далеко они от нас живут. Если живут, прямо скажем.

Клим. А ты представь, вдруг там, где-то во вселенной есть точно такая же планета, как наша. И на ней точно по таким же законам развивалась жизнь. Причём одновременно с нами! И они сейчас находятся на точно такой же ступени эволюции, что и мы. Ни годом позже, ни годом раньше. И даже исторические события все были – один в один! И вот там есть похожий на наш город, похожие на нас люди и школьники, как мы. Представляешь, они сидят сейчас в темноте, смотрят на звёзды и думают, существуем мы или нет.

Федька. Это маловероятно. Практически невозможно.

Клим. Чего это?

Федька. Доказано, что наша жизнь – это результат целой цепочки случайностей.

Клим. Что мешает этим случайностям повториться где-нибудь еще? Конца края же не видно этим небесным телам. Ну хоть на одной из этого огромного количества планет может повториться наша история?

Федька. Вряд ли

Клим. А я верю!

Федька. Вера – понятие ненаучное. Верь, сколько хочешь.

Стася. А еще я, знаете, о чём думала, когда вот это письмо диктовала?

Клим. О чем?

Стася. О том, каково было первому человеку отправиться в космос. Ты один на один со вселенной... И никого рядом нет.

Федька. Иногда лучше быть один на один со вселенной, чем один на один с некоторыми людьми.

Стася. И так страшно: никто не понимает, что там на самом деле впереди. Вернешься ты оттуда, не вернешься?

Федька. Из дома тоже выходить страшно: кирпич может упасть или еще что. Вернешься домой или не вернешься?

Стася. Федька, я про другое!

Клим. Может, ты устал, Федор?

Федька. Ничего я не устал. Тоже мне, философы. А он все равно разбился, только уже на самолёте несколько лет спустя. Так что я в каком-то смысле прав. Неизвестность будущего – часть нашей жизни. Чего ее бояться, если она неизбежна? Есть ли риск, если у нас нет никаких данных о будущем, а только гипотеза? Вот ты, Клим, знаешь, что будет завтра?

Клим. Конечно, знаю. Будет пятница. Хороший день. Позавтракаю, пойду в школу. Потом обед, затем футбол у меня. Вечером, кстати, Стася, наши играют. Буду смотреть. Потом ужин и спать. Ну, разве что еще успею кефир с вафлями перед игрой выпить. Это пока под вопросом.

Стася. И родительское собрание, сказали своим? Включение в семь вечера.

Федька. Вы предполагаете, что завтра будет таким. Но на самом деле ничего про завтрашний день не знаете. И при этом вы же не боитесь и не пугаетесь?

Клим. А чего бояться? Пятница как пятница.

Федька. А может завтра разразится какая-нибудь катастрофа?

Клим. Типун тебе на язык, Федька. Что-то ты пересмотрел в телескоп. У тебя температура не поднялась?

Федька. Только когда будущее переходит в настоящее и застывает, становясь прошлым – только тогда ваша гипотеза либо подтверждается, либо опровергается. Какова же вероятность, что все будет так, как вы думаете? *(Помолчав.)* Я про первый полёт в

космос тоже много размышлял. Конечно, его совершил великий человек. Не испугался! Но знаете, почему? Потому, что он понял, что неизвестность – она повсюду. На земле, в космосе – неважно. С нами всегда будет неизвестность завтрашнего дня, хотим мы этого или нет.

Стася. Ой, смотрите-смотрите, звезда падает. Скорее желание загадывайте!

Федька. Это не звезда, а метеор. Допустим, загадал.

Клим. И я успел!

Стася. Сегодня из-за этого письма настроение такое, что даже играть не хочется. Хочется на звёзды смотреть и думать. И чтобы мысли в голове летали как кометы: туда-сюда.

Федька. У меня что-то никаких мыслей. Может поиграем?

Затемнение. Клим продолжает запись.

Клим. Вот такие у меня друзья. Самые лучшие! Просто здорово, что мы учимся вместе в одном классе. Я даже не представляю, что бы я без них делал! Наверное, засох бы, как растение без воды. Кстати, на нашей планете очень много воды. И я уже придумал, как потрачу свои первые деньги, если заработаю, конечно – поеду смотреть на океан. Я его никогда не видел. На море был, но это ведь не одно и то же! И возьму с собой Федьку и Стасю. Мы будем сидеть на берегу и молчать, потому что шумно от волн. И нам будет очень хорошо, потому что сбудется моя мечта, потому что красотища вокруг, и потому, что настоящим друзьям здорово просто сидеть рядом и думать каждому о своем.

На кухне.

Папа. Милая. Я тут странное письмо от Аллы Геннадьевны получил.

Мама. Что, опять макулатуру собираем?

Папа. Нет, послушай. «Уважаемые родители, напоминаю, что завтра состоится родительская видеоконференция на очень важную тему. Не забудьте, пожалуйста, выйти на связь вовремя. По моим данным, многие дети нашего класса нуждаются в усиленном контроле. Мы с вами сообща должны им помочь. Спокойной ночи. Алла Геннадьевна.»

Мама. Ничего не поняла, кроме того, что завтра собрание.

Папа. Ой, не нравится мне это всё. И секретные задания я не люблю.

Мама. Ты же знаешь, Алла Геннадьевна – паникёрша. Пару двоек получили на контрольной – галактика в опасности, детей надо спасать! Помнишь, в прошлый раз у девочки телефон пропал? Так Алла Геннадьевна по секрету сообщила всему классу, что если телефон не будет возвращен, то в нем включится программа на самоуничтожение, и он взорвётся.

Папа. По мне, лучше бы она тогда участкового из полиции вызвала и беседу про уголовную ответственность провела.

Мама. Но ведь сработало: телефон вернули.

Папа. Я не люблю, когда врут, даже из самых благих побуждений. Что-то беспокоит меня. Пойду Клим уложу.

В комнате Клим.

Папа. Клим, ты не спишь?

Клим. Да, пап, сейчас, я тут кое-что доделываю. Всё! Доделал. Да?

Папа. Поболтаем?

Клим. Давай!

Папа. Клим. Я хочу тебе сегодня кое-что важное сказать. Вот жизнь – она такая непростая штука. И всякое в ней случается.

Клим. Ну, знаю.

Папа. И случается нехорошее иногда, Клим. К этому очень трудно привыкнуть. То есть, привыкнуть вообще невозможно. Но жизнь состоит не только из хорошего, но из плохого и даже очень плохого тоже.

Клим. Пап, что, Боня заболел?

Папа. Клим!

Клим. Ну а что? Я сразу про дедусю подумал...

Папа. Не волнуйся, с Боней всё хорошо. Речь не о нем. Я хотел поговорить с тобой о том, что в жизни иногда, очень редко, но случается такая вещь как предательство. Люди иногда даже не понимают, что предают, но делают это по каким-то своим причинам. Бывает, что даже из самых светлых побуждений. Это очень больно, Клим. Не знаю уж почему, но практически каждый человек сталкивается с этим, с несправедливостью по отношению к нему.

Клим. И у тебя было?

Папа. Да. Даже несколько раз. Но первый – самый болезненный. И его надо просто перетерпеть и как урок воспринять, а не как наказание. Понимаешь?

Клим. Не очень, если честно.

Папа. У меня в жизни была такая ситуация. Мы дружили в школе втроём, как вот ты со Стасей и Федькой, только в старших классах. И мне девочка очень нравилась. Мне хотелось, чтобы мы с ней были не просто друзьями.

Клим. Понятно. Влюбился.

Папа. А ты откуда знаешь? *(Смеётся.)* Ну да, влюбился я в неё. И страшно стеснялся ей сказать. Ну как тут скажешь – мы еще в садик вместе ходили, и во дворе играли, и, когда собака у неё умирала, по очереди дежурили. С нами еще дружил мой друг. Мы были троица – не разлей вода. А она такая, знаешь, пацанка была. Как-то больше с нами по крышам лазила, чем в куклы с девчонками играла. Глаза синие-синие, волосы каштановые, сама худенькая, лёгкая... И вот такое со мной случилось. Я не знал, как ей сказать, но меня прямо распирало всего, не мог терпеть. Тогда я нашему с ней другу все выложил, что чувствовал, и совета попросил.

Клим. И дальше что?

Папа. А дальше он всему классу разболтал, и ей тоже, и все надо мной смеялись. Мне было так плохо, что не передать. Я в глаза не мог ей посмотреть. Так наша великая дружба закончилась.

Клим. Ни фиги себе!

Папа. Клим!

Клим. Ничего себе, я хотел сказать. А зачем он это сделал?

Папа. Я думаю, она ему тоже нравилась. Может, просто позавидовал, но во всяком случае он это сделал.

Клим. Он же твой друг был.

Папа. Это и называется предательство. И вот такая штука, Клим, она может с каждым произойти.

Клим. С нами не случится. Я за Стаську и Федьку ручаюсь!

Папа. Да я же не про них!

Клим. А про кого?

Папа. Ладно. Поймешь потом. Ты только, Клим, обещай мне: если у тебя что-нибудь такое случится, ты обязательно со мной поговори. Как со старшим товарищем. Ты знай, я всегда готов тебе помочь. Буду рад тебе помочь, если что. Просто хотел тебе сказать, чтобы ты помнил.

Клим. Да, пап. Хорошо.

Папа. Спокойной ночи, спокойного сна.

Клим. Желаю увидеть осла и козла.

Папа. *(Смеётся.)* Смотри-ка, не забыл!

Клим. Почему-то такое не забывается, а серьёзные стихи – только сдал, сразу из головы вон!

Папа. Спи. Спокойной ночи. *(Выходит из комнаты.)*

Клим. Ну и день сегодня! И так на количество мыслей не жаловался, а теперь вообще – смогу ли уснуть? Интересно, что потом случилось с этой девочкой? Виделись ли они еще когда-нибудь? Поговорил он с ней или мимо прошёл? Почему он мне это именно сегодня рассказал? Лягу! Лежа лучше думается. Еще столько всего надо осмыслить. *(Клим ложится и мгновенно засыпает.)*

На кухне.

Мама. Алла Геннадьевна прислала второе письмо в электронном дневнике.

Папа. Что там?

Мама. *(Читает.)* «Уважаемые родители! Чтобы сократить время завтрашнего обсуждения, приняла решение ввести вас в курс дела заранее. Детям было поручено записать видео обращение к инопланетянам. Это было задание на воображение и для выявления «опасных» тем, которыми могут быть заняты головы наших детей. Все учащиеся справились вовремя и в необходимом объеме прислали мне файлы. Но сразу скажу, что сообщения некоторых ребят вызвали у меня серьёзные опасения. Завтра я хочу их обсудить с вами и предотвратить неправильное развитие наших детей. Естественно, сохраняя анонимность. Некоторых родителей я попрошу не отключаться после завершения общего обсуждения.»

Папа. Я чего-то такого и боялся.

Мама. Считаешь, что она недоговаривает?

Папа. Почему? Здесь всё конкретно сказано: «для выявления опасных тем». Как ты думаешь, она будет их выявлять? Просто прослушает все сообщения, которые не ей вовсе были адресованы, а потом еще и публично обсудит, и осудит. Мол, ваш Петя, сказал об этом, а ваш Саша проговорился о том. Ах, куда же вы смотрите, уважаемые родители!? Причём дети, похоже, и не догадываются, ни о чём. Надеются, верят. Думаю, некоторые даже ответа ждут. А что получают взамен? Низость? Разве можно таким подлым способом выведывать их мысли? И что в этих мыслях такого крамольного? Мало ли вокруг опасностей?! Вон спички на плите лежат – теперь отменим что ли спички, а плиту в сейф будем прятать?

Мама. Хочешь, завтра вместе посидим у экрана?

Папа. Нет. Ты будешь переживать.

Мама. А ты разве не будешь?

Папа. Буду. Слышать, как обсуждают чужие письма, как смеются и умиляются над тем, что эти взрослые не должны знать? Предать публичности тайны ребёнка – что может быть страшнее? Как думаешь?

Мама. Да, для ребёнка – да. Но ведь это можно всё оставить в секрете.

Папа. Дорогая, ты же знаешь, как быстро секрет перестаёт быть секретом, если его доверить не тому человеку. Помнишь?

Мама. Конечно, помню. Не волнуйся так. Это твои детские обиды. У нашего сына такого не повторится.

Папа. В том-то и ужас, моя дорогая, что всё повторяется, только на новом витке планеты, потому что люди не меняются. Цивилизация развивается, вместо деревянных повозок мы управляем автомобилями, но если встретятся на узкой дороге два дурака, то, что пятьсот лет назад им было не разойтись по-хорошему, что сейчас.

Мама. Люди меняются к лучшему, просто очень медленно. Вот и Алла Геннадьевна думает, что таким образом мы сделаем детей лучше: проконтролируем ход их мыслей, вмешаемся в него и перенаправим, как русла рек. Мы же научились управлять реками?

Папа. Дети – не бездушная стихия, с ними разве так можно? Давайте тогда вживлять им чип при рождении, который полностью будет контролировать их сознание: об этом думай, можно, а о том не думай, нельзя. И кого мы тогда вырастим? Ты только представь?

Мама. Мне кажется, ты преувеличиваешь.

Папа. Не могу успокоиться. Может поговорить с Климом об этом, пока он не узнал от кого-то другого, предупредить?

Мама. Стоит ли? Он спит давно. К тому же, ты всё-таки, возможно, ошибаешься. Это всего-навсего твоё предположение.

Папа. *(Заглядывая в детскую.)* Да, ты права, спит. Как было бы хорошо, если бы я ошибался. Я даже не думал, что можно так сильно мечтать о своей собственной ошибке. А если нет? Бедный Клим! Как он это переживёт?

Климу снится сон, в котором он, Стася, Федька идут в скафандрах по поверхности незнакомой планеты. Федька держит за лапу Мусю. Навстречу им идут инопланетяне, улыбаются, машут флажками и шариками. Шумит океан.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Папа сидит перед экранами. На одном из них Алла Геннадьевна проводит родительское собрание. На других видны лица родителей.

А.Г. После того, как мы с вами разобрали успехи и неудачи наших детей в образовательном процессе, перейдём к другим не менее актуальным темам. Как я вам вчера писала в электронном дневнике, я провела очень полезное исследование, так сказать, выявила срез мыслей и настроений у детей. Задача была поставлена перед ними следующая: создать сообщение для представителей инопланетной цивилизации о себе, о том, что детей волнует, своих планах на будущее. Тема космоса сейчас активно обсуждается в СМИ, у всех на слуху, так что я решила под этим предлогом извлечь пользу и для нас с вами.

Папа. Можно вопрос?

А.Г. Конечно.

Папа. Я правильно понял, что эти письма вы не собирались никуда отправлять?

А.Г. Кому же их отправлять?

Папа. В космос.

А.Г. Естественно, нет. Была придумана так называемая «легенда» для детей, чтобы они увлеклись этой историей и максимально откровенно рассказали о себе.

Папа. Зачем?

А.Г. Хороший вопрос. Спасибо вам за него. Дело в том, что даже если родители контролируют своего ребёнка, читая его переписку в социальных сетях, то большая часть тем всё равно остаётся скрытой. Дети предпочитают играть, нежели писать сообщения друг другу о том, что их волнует или интересует по-настоящему. Зачастую они не показывают свои настроения даже в интернете.

Папа. Вы считаете допустимым подглядывать за частной жизнью?

А.Г. Что в этом недопустимого? Вы что, не читаете страницу Клима в социальной сети? Не знакомитесь с его, так называемыми, «диалогами»? Поднимите, пожалуйста, руки те родители, кто контролирует страницы своих детей в социальных сетях. Вот, посмотрите: все, кроме вас и бабушки Фёдора. Она, к сожалению, в силу возраста не может уже в полном объеме овладеть компьютером и интернетом, хотя Фёдор очень, очень своеобразно мыслит, что меня лично настораживает. Любое непредсказуемое мышление опасно, потому что мы не можем угадать, в какое действие оно выльется. Понимаете? Конечно, не мешало бы заняться этим ребёнком, да некому. Ну, а вы-то, вы-то!? Неужели так сложно уделить внимание жизни сына?

Папа. Я уделяю.

А.Г. Каким образом? Вы – единственный, кто не читает регулярно переписку своего ребёнка в сети. Да, и еще родители Стаси совершенно игнорируют мои просьбы обратить внимание на девочку. Она не по годам развита, мало ли что. Но там совсем другой случай – родителям не до неё совершенно. Жаль, конечно. А вот вас я совершенно не понимаю.

Папа. Я не только не знакомлюсь с личной жизнью Клима в интернете, но и считаю это преступным. Взламывая его страницу, я констатирую, что подозреваю его в чем-то и не доверяю. Доверие ребёнка как хрустальный шар, как самое хрупкое в мире стекло. Вы не боитесь разрушить то, что не поддаётся восстановлению? Причинить слишком сильную боль?

А.Г. То, что вы не согласны с нами, меня не удивляет, и, кроме того, это нормально. Только в споре может еще более явно проступить истина. Что касается причинения морального вреда, то это совершенно исключено. В наших с вами интересах скрывать от детей эту осведомлённость. Мы ответственны за их воспитание. Именно эта высокая задача заставляет нас принимать такое особое участие. В связи с тем, что часть жизни, я бы даже сказала, большая часть её перешла в виртуальное пространство, мы, педагоги и родители, должны следовать туда же и регулярно выяснять, чем интересуется ребёнок, в каких сообществах состоит, с кем общается и о чём.

Таким образом, я объяснила крайнюю необходимость моего последнего исследования. Задание методически оказалось достаточно эффективным...

Папа. Какое право мы имеем рыться в личной жизни детей? Каждый человек, маленький или большой, имеет право на свой собственный мир.

А.Г. Вы следователю про неприкосновенный мир вашего ребенка будете рассказывать, если дитя натворит что-нибудь? Уголовную и административную ответственность, вашу в том числе, никто не отменял.

Папа. Если так рассуждать, мы все потенциальные преступники.

А.Г. Вы – уже взрослый человек, а они – дети. Непредсказуемые, легкомысленные выдумщики. Поймите, для нас с вами нет ничего хуже неизвестности. Зачем

мучиться домыслами и догадками, когда можно просто незаметно ознакомиться и быть в курсе жизни сына? Быть уверенным в том, что он ничего не натворит, противозаконного в том числе.

Папа. Я в Климе и так уверен и не беспокоюсь. Знаю точно одно: если мы будем подавать дурной пример и обманывать, дети этому научатся в совершенстве.

А.Г. В чём же по вашему мнению мы их обманываем?

Папа. Читать чужие письма, адресованные не вам, нельзя! Ни сообщения в социальных сетях, ни записи, которые дети вчера создали и отправили инопланетной цивилизации. Ведь они, правда, поверили. Старались, думали, обсуждали друг с другом, всю душу вложили.

А.Г. Так это же и было им задано. Они все – большие молодцы.

Папа. Это мы – большие, но не молодцы.

А.Г. В ваших же интересах необходимо знать, о чём думает ребёнок, чтобы его не упустить.

Папа. Куда не упустить? В жизнь?

А.Г. Жизнь для них – это открытый космос. Выходить в него неподготовленными – опасно. Их там ждут подводные камни, о которых дети даже не подозревают.

Папа. Я запутался. Мы про космос или про пучину ужасов?

А.Г. А вы не смейтесь, не смейтесь. Мало ли что бывает.

Папа. Мы же выжили как-то. И не потерялись без мобильных телефонов. И выучились без интернета.

А.Г. Вы росли в другое время. Вам было легче, не было столько искушений и соблазнов.

Папа. Вы хотите сказать, что человеческий прогресс - это рост соблазнов, а развитие науки – увеличение искушений.

А.Г. Я вашим детям хочу только добра, поймите меня правильно. Я боюсь за их жизни. За то влияние, которое может оказать на них неконтролируемый взрослый мир. И если телевидение, слава богу, уже привели общими усилиями к единому знаменателю, то всемирную паутину пока нет. Я ратую защитить их, а не погубить. Вырастить сильных, патриотически настроенных, целомудренных людей.

Папа. Ну раз уж вы об их будущем, то вот что я скажу – оно в их руках. В их, а не в наших. Мы уже свой путь выбрали, с нами все понятно. А у них еще все впереди. Будущее нашей планеты, будущее жизни на планете зависит от них. А от нас зависит, каким людям мы передадим жизнь и какую жизнь передадим. Полную вранья и обмана или доверия и созидания.

А.Г. Мы с вами понимаем нашу воспитательную задачу одинаково.

Папа. Нет, Алла Геннадьевна. Ничего общего в наших с вами идеях нет. Извините меня, я должен вас покинуть!

А.Г. Куда же вы? Я вам про Клима еще ничего не рассказала.

Папа. Клима я знаю с первой минуты жизни и сам кому угодно могу про него рассказать. Но никогда, слышите, никогда этого делать не буду. Я хочу, чтобы он мне верил.

А.Г. А вы знаете, что он вас обманывает?

Папа. Прекратите обличать невинных детей!

А.Г. Когда к вам приходят Стася и Федя, они с Климом играют в компьютерные игры, а вам говорят, что смотрят в телескоп на звездное небо!

Папа. Откуда вы знаете?

А.Г. Из рассказа Клима о себе. Вот, для чего я дала это задание детям! Чтобы вскрыть намечающиеся язвы. Предупреждён – значит, вооружён.

Папа. Предупреждён, значит, вооружён... Знаете, лучше бы вы мне ничего не говорили.

А.Г. Мы должны бороться за наших детей и быть начеку, мало ли что в их душах происходит.

Папа. Да, спасибо, что напомнили, мы должны бороться за наших детей. Всех благ!

А.Г. Погодите, куда же вы? Родительское собрание еще не закончено... Когда родители странные, могут ли быть нормальными дети? Продолжим...

Папа отключает экран.

Комната Клима. Звонок Федыки.

Федька. Клим?

Клим. Мм?

Федька. Спишь?

Клим. Уснешь тут с вами со всеми. Папа после собрания злой, с мамой ругается. И по телефону еще с кем-то разговаривает. Ночь уже, а на кухне свет горит. Не знаю, что и подумать. Может они узнали, что мы вчера в школу опоздали?

Федька. Не, тут другое.

Клим. Тогда вообще не понимаю. Вроде ничего не натворил...

Федька. А ты знаешь, что мне бабушка сказала?

Клим. Чё?

Федька. Она после собрания говорит, что Алгенадьна наврала все.

Клим. Что наврала?

Федька. Про инопланетян наврала.

Клим. Как наврала?

Федька. А вот так! Нет никаких инопланетян.

Клим. Кто же знает, есть они или нет. Стаська, вон, тоже не особо верит.

Федька. Да не в этом дело

Клим. Не понимаю тебя.

Федька. Она наврала про послание.

Клим. Как это?

Федька. Не будет никакого послания. И не было. Никто не собирался наши записи в космос посылать.

Клим. Бреешь!

Федька. А смысл мне врать?

Клим. Зачем тогда мы записывали?

Федька. Не догадываешься?

Клим. Не...

Федька. Чтобы всё выведать. Помнишь, Алгенадьна три вопроса называла. Мол, ответьте со всей откровенностью...

Клим. Ну...

Федька. Что, ну? Вот тебе и ну! Это она сама хотела всё узнать о нас и потом с родителями сплетничать.

Клим. Да что же это! Это же...

Федька. Обман это называется. Самый настоящий! И теперь они в курсе всяких секретиков и тайн – кто как наговорил. А мы-то дураки! Поверили! Нашли кому верить, взрослым!

Клим. Кто еще знает?

Федька. Я, ты и Стаська. Она от меня узнала, её родители никогда в родительских сеансах не участвуют.

Клим. А остальные?

Федька. За остальных не ручаюсь. Может все промолчали? Тебе вон папа не говорил ничего?

Клим. Нет... Папа, кстати, ничего мне не сказал...

Федька. Вот видишь, может и остальные не будут. Бабушка просто мне всё всегда докладывает, она сидит у экрана и подробно в блокнотик записывает, чтобы не забыть. У меня такое ощущение, что я сам на собрании сижу, только в виде бабушки.

Клим. Лучше бы я этого не знал.

Федька. Наплюй. Подумаешь! Что ты там такого сокровенного рассказал-то? Эка невидаль твоя жизнь. Надо правильные выводы сделать! Вести себя так же, как они с нами. Не верить! Никому и ничему! И врать! А чего стесняться? Им, значит, можно обманывать, а мы должны по их правилам жить? Хорошо учиться, слушаться старших, говорить «спасибо», пользоваться ножом и вилкой – а зачем, спрашивается? Ради чего, когда такой беспредел творится.

Клим. погоди, Федь, давай я тебе попозже перезвоню. Мне что-то нехорошо стало, и голова закружилась.

Федька. Окно открой!

Клим. Да. Или на улицу выйду, подышу что ли... До связи!

На кухне.

Мама. Я так и знала, что ты вспыхнешь! Мне надо было слушать. Я бы просто тихонько посидела, лишних вопросов не задавала. Как все. Себе дорожке возмущаться. Всё может отразиться на отношении к сыну. Был хоть кто-нибудь из родителей такой же нервный, как ты?

Папа. Нет, все молчали. Меня это, надо сказать, несколько удивило. Неужели, думаю, они согласны с такими воспитательными экспериментами? Можно подумать, что это они роботы.

Мама. Кто-то согласен, кто-то не согласен, кому-то все равно. Это неважно. Никто не готов показывать своё настоящее отношение. Традиция такая. Занимаются их детьми – и ладно, и хорошо. Ведь добра же хотят? Добра! Более того, всех бесит, когда появляется кто-то один такой вот, как ты, который начинает воду мутить. Даже если ты дело говоришь, все закончить хотят скорее, а ты мешаешь.

Папа. И ты бы просто посидела и послушала?

Мама. Да. А что тут такого? Потом бы тебе рассказала, мы бы все спокойно обдумали и решили, как быть. К чему эти конфликты? Ты всё равно никого не переубедишь – все останутся при своём мнении.

Папа. Я не собирался никого переубеждать! Так просто нельзя себя вести ни с кем, а с детьми – тем более. У человека должны оставаться самые светлые воспоминания о детстве. Это как фундамент, как опора всему. Если допустить трещины, построить в дальнейшем крепкую и счастливую жизнь невозможно. Всё время будут напоминать о себе ссадины и травмы детских лет. И ещё, ты представляешь, они все следят за детьми в интернете!

Мама. Что тут такого? Я тоже иногда посматриваю.

Папа. Ты?

Мама. У меня один сын, понимаешь? Один-единственный. Мало ли что? Я должна знать, кто его друзья.

Папа. *(Устало.)* Что с вами со всеми? Милая, ты же знаешь его друзей. О чём же ты беспокоишься?

Мама. Обо всем.

Папа. Обо всём, значит, ни о чём конкретно. Не в твоих силах уберечь его от всех испытаний в этой жизни. Но только преодолевая их, он станет сильнее, он станет тем Климом, которым ты будешь гордиться до конца дней.

Мама. Я и без этого им горжусь.

Папа. Зачем же ты следишь за ним? Хочешь потерять единственного сына? Ведь он узнает – обидится на всю жизнь! Никогда тебе больше ничего не доверит. Научится всё скрывать, поставит такие пароли, которые ты уже не сможешь взломать. Спрячется от тебя, уйдёт к тем, кто так с ним никогда не поступит.

Мама. Я как-то не подумала об этом...

Папа. А я-то был уверен, что в нашей семье этого себе никто не позволяет. На собрании себя в грудь бил: мы не такие, мы так не делаем! Оказывается, и мы делаем, и мы точно такие же. Какой кошмар!

Помнишь, раньше многие вели дневники, когда еще не было компьютеров в каждом доме, а люди имели эту потребность записать всё то, что было пережито, о чём было пролито немало слёз. Покупалась небольшая тетрабочка, и в неё заносились разные мысли, соображения, впечатления. Вот если бы Клим вёл такой дневник, а ты бы его случайно обнаружила, открыла бы?

Мама. Да, открыла бы, не удержалась. Я себя хорошо знаю.

Папа. И я открыл бы, понимаешь? Не удержался. Без шуток. Но совсем другое дело – вскрыть, взломать, влезть.

Мама. Не сердись, дорогой... Я ведь тоже беспокоюсь.

Папа. Всё понимаю, но давай договоримся больше так не делать. Прошу тебя. Пусть он проживёт такую жизнь, какую захочет, с теми людьми, которых сам выберет. Наша задача с тобой – научить его находить верное решение, но не относительно наших страхов и подозрений, а относительно него самого.

Мама. Что ты предлагаешь сейчас делать?

Папа. Ему надо всё рассказать и перевести в другую школу.

Мама. Климу ни за что не согласится.

Папа. Я постараюсь убедить, что это для его же блага.

Детская.

Клим. Странно. Что-то я не хочу ничего. Какая-то пустота. Вот как чувствует себя воздушный шарик, когда убираются после праздника и делают ножницами дырку в его весёлом боку, и он превращается в страшненький старый комочек. Только что тебе было весело, всем было весело, но через мгновение ты уже никому не нужен. Тишина – папа с мамой ругаться перестали. Это они про собрание ругались. Теперь ясно. И папа мне ничего не сказал. «Привет, Климу, как дела?» А сам уже знал, как у меня дела. И всё. Как будто ему нечего мне сказать. Интересно, они что, договорились там? То есть, Федькина бабушка, получается, самая нормальная? Или не расслышала просто?

Папа пытается открыть дверь в детскую. Она заперта.

Папа. Климу!

Клим. Уходи! Я занят.

Папа. Значит, тебе кто-то уже рассказал...

Клим. Да, Федька! А ты всё знал! И ничего мне не говорил! Ты тоже предатель, слышишь?

Папа. Клим, я не знал, честное слово! Мамой клянусь! Я просто подозревать начал. Но ведь не пойман – не вор. Это только потом выяснилось, после видеосвязи, что мои худшие опасения оправдались. Клим, ты прав! Это жестоко, несправедливо. Клим! Открой дверь!

Клим. Не открою! Все взрослые – предатели! Вы от нас всё скрываете! Всё за нашей спиной решаете. А я не хочу, слышите, вы! А я не хочу с вами так жить! Я на другую планету хочу! Туда, куда мы письма писали, потому что они существуют. И меня они услышат и почувствуют в отличие от вас!

Папа. Господи, как я-то на другую планету хочу!

Клим. Вот и лети!

Папа. Клим. Ты не один же такой! Ты подумай про своих друзей!

Клим. Что про них думать? Федька про кошку рассказывал! Что в этой кошке особенного? Чего ему стыдиться?

Папа. Федька пострадал не меньше тебя, ведь он тоже о самом дорогом рассказывал.

Клим. Подумаешь, кошка какая-то! Я всю душу вложил, всё-всё рассказал! Это не-воз-мож-но так!

Папа. Клим, соберись, открой дверь, давай поговорим спокойно!

Клим. Ну и что вы там делали? Сидели и ржали над нами? Просматривали лучшие моменты?

Папа. Никто ни над кем не смеялся. Я высказал свою точку зрения и отключился. Не знаю, чем у них дело кончилось и знать не хочу.

Клим. Врёшь! Ты тоже врешь!

Папа. Клим! Послушай, я принял решение перевести тебя в другую школу.

Клим. *(Распахивая дверь.)* Папа, а как же Федька, Стася? Как же я без них?

Папа. Не знаю. Честно. Будете по выходным видеться. Познакомишься с другими ребятами. Я считаю, что эта ситуация недопустима, поэтому надо уходить.

Клим. Ты говоришь, подумай про друзей, а сам хочешь меня их лишить? Ты что, не понимаешь, как они для меня важны? И почему ты всё за меня решаешь?

Папа. Я не решаю, я хочу обсудить с тобой такой вариант.

Клим. Нет, ты сказал, я решил! И ты ведь решил! Тебе всё равно, чего хочу я! Только твоё мнение правильное. Ты ведёшь себя точно так же, как и они все, предатели! А я думал, ты другой. Лучший! *(Одевается.)*

Папа. Ты куда?

Клим. На улицу.

Папа. Клим!

Клим выбегает из квартиры.

Двор дома. Сумерки. На небе – неизвестные созвездия. На качелях сидит Стася. Клим бредёт по двору.

Клим. Что-то с нами со всеми случилось. Система какая-то расшаталась. Всё было так славно, спокойно. И вот – на тебе. С папой поругался! В школу идти не хочется, там точно ничего хорошего. При мысли об Алгенадьне вообще злость какая-то неправильная в организме бушевать начинает. Предательница! При этом, всё непонятно – кто что знает, кто что кому сказал... Или только мы трое, благодаря Федькиной бабушке, в курсе? А как всё хорошо начиналось! *(Клим смотрит на звёзды. Машет рукой.)* Прилетели бы хоть, что ли. Спасли тут нас всех! Вы же высший разум! Разрулите нас – мы запутались! Мы не можем на узкой дорожке разойтись.

Стася. Клим?

Клим. Стася? Ты?

Стася. Привет.

Клим. Ты чего, плачешь что ли?

Стася всхлипывает.

Стаська, что случилось? Кто тебя обидел?

Стася. Все.

Клим. И я?

Стася. Нет, ты нет.

Клим. А Федька?

Стася. Федька ни в чём не виноват.

Клим. Видишь, уже не все. Ты из-за этого письма рыдаешь?

Стася. Да.

Клим. Я тоже ужасно расстроился, и дома такое началось... Даже голова закружилась. Вот, вышел подышать и смотрю – ты.

Стася. Клим, мне плохо!

Клим. Ну что ты, Стася, не расстраивайся так! Ну, подумаешь, прослушали. Ты же там ничего особенного не говоришь.

Стася сморкается.

Стася. Я должна тебе кое-что сказать. Лучше я, чем кто-нибудь другой наврёт. Я в своём послании, Клим, признаюсь, что люблю одного человека.

Клим. Ничего себе. Нашла, кому признаться! Вот женщины – уж если довериться, то всей вселенной. Для надёжности!

Стася. *(Рыдает.)* А кому мне было говорить?

Клим. Тому, в кого втрескалась, конечно! Больше никого это не касается. Вот почему ты не хотела мне ничего рассказывать?

Стася. Угу.

Клим. Стася, Алгенадьна неправа. Это как в бою: есть правила, которые нарушать нельзя. Если нарушишь, то никто с тобой дела больше не захочет иметь. А она применила какой-то запрещённый приём по отношению к нам. Подло это!

Стася. Я словно у края пропасти сейчас стою.

Клим. Ничего ты не у края. Где ты видишь в нашем дворе пропасть?

Стася. Клим, мне не смешно.

Клим. Знаешь, мне тоже не смешно! У меня внутри как будто что-то рухнуло! Был такой замок-муравейник, все знали, что делают: солдатики охраняли, рыцари тренировались, конница строилась. Чётко, как часовой механизм. Ночь-день, ночь-день. А сегодня мою средневековую армию словно атаковали космические пришельцы! Все в панике, в замке хаос, никто не знает, что делать, куда бежать и как спастись. Что-то в этом духе чувствую.

Стася. Клим, это ты.

Клим. Не понял?

Стася. Этот человек – ты!

Клим. Надо же, у меня на улице голова еще больше кружится. Дышим, спокойно, спокойно! *(Внимательно смотрит на Стасю.)* Только один вопрос – почему весь мир, включая инопланетные цивилизации, узнаёт это раньше меня?

Стася. Клим, прости. Я стеснялась.

Клим. Меня? Лучшего друга?

Стася. Я боялась, что ты начнёшь надо мной смеяться, что не поймёшь. А теперь я вообще всего боюсь – и тебя, и что меня в школе все засмеют, будут дразнить и издеваться.

Клим. *(Подходит и обнимает Стасю.)* Вот уж нет! Я тебя никогда и никому в обиду не дам. Вот платок, держи. Чистый. Не плачь больше. Всё хорошо. Смотри, какой вечер красивый. Фидес уже взошёл. Посмотри на него – вот наш единственный вечный спутник. Всё видит, всё знает и молчит. Представляешь, а вдруг на его тёмной стороне, которую мы не никогда не видим, растут сказочные деревья и цветы. К нам он, значит, своей лысой стороной повернут, а от нас – волшебным лесом.

Стася. Сочиняешь же, Клим. Нет на Фидесе жизни. Астронавты высаживались. И снимки есть.

Клим. Да помню я, помню. Ну а вдруг они нас обманывают? Чтобы одним тайком в райском саду гулять?

Стася. *(Улыбается.)* Фантазёр ты, Клим.

Клим. Стаська, а давай, когда школу окончим, дальше учиться пойдём в институт изучения космоса? Вместе? Ты и я?

Стася. Школа... Как я не хочу идти в школу.

Клим. Не грусти. Мы что-нибудь придумаем. Знаешь, меня папа хочет куда-то в другое место перевести. Я сначала на него рассердился и обиделся, потому что я без вас не могу, и вообще – не прав он. А теперь вот думаю – да, уходить надо. И ты давай со мной! И Федьку уговорим. Все втроём перейдём!

Стася. Давай! Только разве это возможно?

Клим. Если мы захотим, всё возможно.

Федька. *(Подбегая.)* Вот вы где! Обнимаетесь, значит! А я вам звоню-звоню.

Клим. Прохладно что-то, знаешь...

Федька. Ну-ну. То-то ты без шапки.

Клим. Не язвите, Фёдор, а говорите, чего хотели.

Федька. Там папа твой с моей бабушкой разговаривал про другую школу.

Клим. Да, Федька, это отличная идея, если втроём перейти. Никому не хочется к Алгенадьне возвращаться.

Федька. В этом-то и суть. Уф! Отдышаться не могу. Папа у тебя, Клим, мировой! Если бы не он, я бы окончательно в человечестве разочаровался, а он на нашу сторону встал. Защищает. Так, говорит, не делают в нормальных школах. Вон он, тоже сюда идёт.

Подбегает папа.

Папа. Федя, Стася, айда с Климом в другую школу, что скажете? Сначала я только про него подумал, а потом... может и вы захотите?

Федька. Да! И бабушка не против.

Стася. А моим всё равно, где я учусь, лишь бы училась.

Папа. Тогда я беру на себя все вопросы по организации. Начнём новую жизнь прямо со следующей недели.

Стася. Это возможно?

Папа. Я постараюсь. Думаю, да.

Федька. Может там биология будет посильнее?

Стася. Ой, как было бы хорошо! И снова интересно! Представляете, все новое – и форма, и класс! И нет этого ужаса...

Клим. Вы мне снитесь все, наверное.

Федька. Да прям! Размечтался! *(Толкает Клима.)*

Клим. Я вчера такое даже представить себе не мог!

Федька. Ага! Что я говорил?

Стася. Ладно, Федька! Вынуждена признать: что-то есть в твоих рассуждениях о будущем.

Федька. Ясный ум, смелость мышления и правдивость – отличительные черты моей скромной натуры.

Стася. Урааа! Мы уходим! Мы втроём уходим! Неразлучные друзья! Клим, я и Федька!

Папа. *(Отводит Клина в сторону.)* Ты прости, Клим! Конечно, я – старый дурак, но я не предатель. Просто не знал, что делать со всем этим, как тебе сказать, чтобы не сделать ещё хуже. Так переживал, что всё решил за тебя. Хотел оградить, а в итоге добавил масла в огонь. Я просто понял, что твой уход – это единственно верное решение. Очевидное! Но ты прав, оно было неполным.

Клим. Пап. Никакой ты не старый и не дурак. Ты настоящий. Тебе было так же больно, как и нам. Я видел.

Папа. Чего только в этой жизни не бывает и плохого, и хорошего, помнишь, я тебе рассказывал? Ты только не забывай, что ты не один. И друзья у тебя замечательные, верные. И на меня всегда можешь рассчитывать.

Клим. Буду помнить. Спасибо.

Я хотел спросить тебя... Ну, вот про твою историю... Ты еще эту девочку встречал, которая тебе в школе нравилась?

Папа. Встречал, как же! Много раз.

Клим. И фотография есть?

Папа. Есть.

Клим. Покажешь мне её?

Папа. Конечно! Я и в натуральном виде могу тебе её представить! Вот она идёт! Познакомься!

Клим. Мама?

Папа. *(Смеётся.)* Да. Что же мне оставалось делать после такого позора?

Появляется мама.

Мама. Ну наконец, хоть во дворе вас всех сфотографирую. Идите сюда для общего кадра! Начнем новую жизнь с нового фотоальбома!

Клим. Ну всё, ребята, приготовьтесь! Это надолго!

Мама всех фотографирует. На экране транслируются отрывки из видео обращений Клина, Стаси и Федьки.

Стася. Привет! Меня зовут Стася. Я – девочка с планеты Каритас. Про таких, как я, говорят: она растёт в неблагополучной семье.

Федька. Наша планета очень красива. Вы, когда будете пролетать над ней, ни с чем ее не спутаете. Представляете, мы до сих пор не изучили всех животных, а они уже начали вымирать! Мне будет чем заняться, когда я закончу школу.

Клим. Люди очень многого не умеют! Но они научатся, я в это верю! Главное – не останавливаться, не опускать руки, когда что-то не получается. Мы обязательно найдём способ увеличить человеческую жизнь, чтобы Боня жил долго-долго, и чтобы я смог до вас долететь.

Стася. Я считаю, самое главное, что умеют люди – это любить. Детей, животных и друг друга. Это и называется счастьем, когда тебя любят просто так, такого, какой ты есть.

Федька. Вот, кошки, например, могут с нами быть всего двадцать лет. Как я переживу, когда Муси не станет? Это самое дорогое для меня существо. Стараюсь не думать и не могу. Она что-то стала прихрамывать на шестую лапку. Это волнует меня сейчас гораздо больше того, что вселенная бесконечна.

Клим. Всё-таки жаль, что преподавание в наших школах доверили роботам. Конечно, они много знают и более выносливы, чем люди, но иногда так хочется, чтобы тебя просто обняли, погладили по голове и сказали: «Молодец!». Папа говорит, что объяснить это министерству образования невозможно.

Стася. Я хочу стать писателем и сочинять разные истории. Мне кажется, что люди должны больше придумывать и творить, потому что только им на нашей планете это дано.

Федька. Моё самое большое желание, чтобы мама была счастлива. Она живёт возле самой высокой горы Каритаса Спес и пытается достичь совершенства в живописи. Мама не очень много помогает нам с бабушкой, но делает столько, сколько может. Я ей очень благодарен за всё. И прежде всего – за подаренную мне жизнь. Дальше как-нибудь сам разберусь.

Клим. Я бы очень хотел побывать там, где вы живете. Посмотреть на вас, какие вы? Неважно, что наши миры могут сильно отличаться, мы всё равно соседи одного дома под названием Вселенная. А вдруг вы страшно на нас похожи!? И вместо щупалец у вас руки, а вместо стеклянных линз – глаза, как у меня? И вы умеете говорить! Тогда я бы задал вам столько мучающих меня вопросов! Есть ли у вас книги? Изобрели ли уже интернет? А мобильные телефоны? А электрокары? А есть ли у вас океаны и сколько их? А «камень-ножницы-бумага», знаете? А вдруг на вашей планете живет кто-то очень похожий на меня, и он тоже хочет встретить друга во вселенной. Я бы протянул ему руку и сказал: «Привет! Меня зовут Клим! Я из галактики Треугольника! Давай дружить!»